

Лингвистика

УДК 81'0 : 811.352.3

ББК 81.602

А 16

Абрегов А.Н.

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: acherdan@mail.ru

Шеожева Б.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета, e-mail: sheozheva.bela@yandex.ru

Учёт морфонологических изменений в структуре слов абхазо-адыгских языков в этимологических исследованиях (Рецензирована)

Аннотация:

Исследуются связанные с внутренней формой слова морфонологические изменения, происходящие в структуре абхазо-адыгских языков. В науке о языке утвердилось мнение о том, что в агглютинативных языках не происходят изменения в связи с многоморфемностью словоформ, однозначностью морфем и тенденцией к сохранению четких границ между морфемами. Лексические единицы абхазо-адыгских языков анализируются с использованием таких методов исследования, как сопоставительный, структурно-семантический и сравнительно-исторический, позволяющие выявить все изменения в морфонологической структуре слов абхазо-адыгских языков, что имеет принципиально важное значение как для общего, так кавказского языкознания. Анализ лексического материала абхазо-адыгских языков, являющихся типичными представителями языков агглютинативного строя, продемонстрировал, что они не могут избежать универсального закона изменений в морфонологической структуре слов, учет которых позволяет проводить полноценные этимологические исследования.

Ключевые слова:

Внутренняя форма языка, внутренняя форма слова, морфонологические изменения, опрощение, переразложение, усложнение, декорреляция, диффузия, замещение.

Abregov A.N.

Doctor of Philology, Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: acherdan@mail.ru

Sheozheva B.A.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Russian Language Department, Adyghe State University; e-mail: sheozheva.bela@yandex.ru

Record of morphonological changes in word structure of the Abkhaz-Adyghe languages in etymological researches

Abstract:

The paper explores morphonological changes connected with the inner structure of the word, taking place in the structure of the Abkhaz-Adyghe languages. In the linguistics, an opinion has been adopted that changes do not take place in the agglutinative languages due to multimorphemic structure of word forms, the unambiguity of morphemes and the tendency to preserve strict boundaries between morphemes. The analysis of lexical units in the Abkhaz-Adyghe languages with the help of comparative, structural-semantic and historical-comparative methods makes it possible to reveal all the changes in the morphonological structure of the words of the Abkhaz-Adyghe languages, which is essentially important both for the General and Caucasian linguistics. It has been proved that agglutinative languages cannot avoid the universal law of changes in the morphonological structure of the words. By taking into consideration these changes we may carry out fullfledged etymological investigations. It has been proved clearly by the analysis of lexical material of the Abkhaz-Adyghe languages, typical representatives of the agglutinative languages.

Keywords:

Inner form of the language, inner form of the word, morphonological changes, de-etymologization, metanalysis, complication, decorrelation, diffusion, substitution.

Человек, познавая окружающий мир, накапливал знания о предметах и явлениях, собирал информацию о них, выявлял какие-либо их признаки и свойства, на основе которых давал названия предметам и явлениям, с использованием уже существующей лексики и строевых языковых средств. В любом случае производные слова в момент своего создания имели ясную внутреннюю форму, которая с течением времени могла «помутнеть» по разным причинам и измениться в процессе исторического развития языка, поэтому научная интерпретация внутренней формы слова возможна только в диахронии.

Идея внутренней формы языка была предложена Вильгельмом фон Гумбольдтом, хотя он не дал определения этому понятию. Всё его учение пронизывает исходная идея о том, что «обозначение предмета словом – это не изолированный акт словотворчества, а часть единого процесса языкового созидания» [1: 20]. Это подтверждается высказыванием Гумбольдта: «Поистине язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом в процессе языкотворчества» [2: 103].

В русском языкознании А.А. Потебня выступил как последователь идей Гум-

больдта в ранней своей работе «Мысль и язык» (1862 г.). Опираясь на материал славянских языков, в ней он излагает свою теорию о внутренней форме слова, согласно которой в слове заключено два содержания: объективное с одним признаком и субъективное с множеством признаков. Сравнивая их, А.А. Потебня приходит к заключению: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [3: 40; разрядка наша. – А.А.].

Изменения в системе языка следует понимать в тесной связи с той системой, в которой они происходят. Этот тезис получил своё признание в лингвистике. Изменения непосредственно касаются и внутренней формы слова, которая может «помутнеть», разрушиться и стереться. Дело в том, что всё это может быть результатом фонетических и морфологических изменений, позволяющих говорить о морфологических преобразованиях в структуре слов, что часто наблюдается во флективных языках. Данный вопрос хорошо изучен в русистике. Первая попытка в детальном и всестороннем описании изменений, происходящих в структуре слова, была предпринята такими представителя-

ми Казанской лингвистической школы, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский и В.А. Богородицкий, которыми «было положено в конце XIX века... начало научному изучению русской наукой о языке изменений в морфологической структуре слова» [4: 178]. Наиболее полное теоретическое осмысление изменений в морфологической структуре дано Н.М. Шанским в работе «Очерки по русскому словообразованию» (1968), где детально охарактеризованы такие процессы, как опрощение, переразложение, усложнение, декорреляция, диффузия и замещение.

По мнению большинства ученых, агглютинативные языки характеризуются весьма сложной структурой слова, где часто слова оказываются многоморфемными, границы между отдельными морфемами сохраняются довольно четко и состав слова ясен. Отмечается также наличие слабой связи между морфемами, что способствует сохранению отчетливо выраженной тенденции к сохранению ясных границ между морфемами, препятствующей возникновению значительных звуковых изменений на стыке морфем. Специфика агглютинативных языков состоит в том, что в этих языках аффикс однозначен и присоединяет столько формообразовательных аффиксов, сколько грамматических значений следует выразить. Поэтому это нанизывание аффиксов или свободное (нетесное) соединение морфем, характерное для агглютинативных языков, в языкознании получило название «агглютинация», т.е. склеивание. В лингвистической литературе подчеркивают следующие особенности языков этого типа: «в агглютинативных языках нет такого явления, которое принято называть внутренней флексией» [5: 16], «для агглютинативных языков нетипичны явления опрощения и переразложения, фонетически не обусловленные чередованием» [6: 266], «агглютинативная тенденция ... характеризуется ч е т к о с т ь ю г р а н и ц м о р ф е м н ы х с е г м е н т о в, для неё малотипичны явления

опрощения и переразложения, как использование «симульффиксов» [7: 236], «слабая связь между морфемами, проявляющаяся в отсутствии фонетических изменений на стыке морфем» [8: 162].

Вероятно, этим объясняется то обстоятельство, что в исследованиях по агглютинативным языкам не стоял остро вопрос о морфонологической структуре слова и её изменении. В связи с чем эти изменения долгое время оставались неизученными или слабоизученными, полагаясь на то, что агглютинация придерживает прозрачность структуры слова. Уместно привести слова Л.Г. Лопатинского, который образно охарактеризовал структуру слов в адыгских языках, сказав, что слова «так легко разбиваются по составным частям, как цветок по лепесткам» [9: 46]. Тем не менее в языках агглютинативного типа структура слова с течением времени подвергается не только фонетическим, но и морфологическим изменениям. Следовательно, «в адыгских языках могут происходить изменения различного характера, поэтому структурно-мотивационная интерпретация ряда лексем возможна только на основе этимологического анализа» [10: 141], а без учета морфонологических изменений в структуре слова не возможен полноценный и результативный словообразовательный и этимологический анализ. Эти процессы изменяют структуру слов и затемняют их образование. «Но установить их образование, понять как они были сконструированы, можно только с помощью данных из истории языка, с помощью однокоренных слов» [11: 8].

Абхазо-адыгские языки типологически относятся к агглютинативным языкам, которые характеризуются тем, что слова и словоформы оказываются многоморфемными и границы между морфемами, как правило, прозрачны и ясны. Этим можно объяснить позицию тех исследователей абхазо-адыгских языков, которые, ограничиваясь тщательным анализом фонетиче-

ских процессов, происходящих в словах, не замечали или оставляли без должного внимания те изменения, которые претерпевала морфонологическая структура слова в процессе развития языка. Поскольку эти изменения происходили в строении слов абхазо-адыгских языков и затемняли внутреннюю форму слова, то без их учета невозможно описать историю слова в полном объеме, дать научно обоснованный словообразовательный и этимологический анализ лексических единиц.

За последние десятилетия появились наши статьи, затрагивающие вопросы изменения морфонологической структуры слова в абхазо-адыгских языках [12; 13].

Опрощение представляет собой исторический процесс, при котором «слово утрачивает свою внутреннюю форму и приобретает целостное немотивированное значение; границы между морфемами стираются» [14: 14-15]. В результате этого процесса производное слово превращается в непроизводное и пополняет число корней в языке. Опрощение может происходить при фонетических изменениях, тогда обрывается связь между родственными словами. Так, в слове *шьэжь-ый* «нож» в адыгейском языке произошла ассимиляция, поэтому сегмент *шьэ* ничего не означает. Исторически это производное слово, состоящее из *сэ* «нож» + суффикс *-жьый* со значением «маленький», букв. «нож маленький», ср. *сэихо* «шашка» (из *сэ* «нож» + суффикс *-ихо* «большой», букв. «нож большой»), в котором не произошла ассимиляция.

Адыгейский гидроним *Пшыз* «Кубань» «износился» фонетически, тогда как это же название сохранилось в кабардино-черкесском языке в первоначальном виде как *Псыжь*, представляющее собой сложное слово, состоящее из двух компонентов: *псы* «река» и *жьы* «старая, древняя», букв. «река старая (древняя)», т.е. «та река, которая испокон веков течёт по нашей земле». В адыгейском языке проклятие обозначается сло-

вом *бгыбзэ* (из *бгы*, ср. *е-бгы-н* «проклинать» и *бзэ* «язык»), букв. «язык проклятия», однако в кабардино-черкесском языке это слово утратило анлаутный согласный *б* и превратилось в *гыбзэ*, где теперь морфема *гы-* – асемантический сегмент. Вследствие этого основа *гыбзэ* стала «дефектно-членимой», по терминологии Е.С. Кубряковой [15: 64].

В русистике давно обращено внимание на то, что «под влиянием продуктивных образований того или иного строения основы стоящее одиноко слово подводится под соответствующий словообразовательный ряд и начинает ... члениться на морфемы вопреки этимологии» [16: 128]. При этом это приводит к процессу усложнения основы, и «слово, ранее имевшее непроизводный характер, начинает делиться, распадаться на части» [16: 129].

Проблема усложнения основы в абхазо-адыгских языках долгое время не рассматривалась. Нами сделана попытка объяснить изменения в морфонологической структуре слов, вызванные процессом усложнения. Так, по нашему мнению, персидское название свёклы *чогондор*, *чогондёр* через посредство тюркских языков усвоено шапсугским диалектом адыгейского языка как *джэгумдыр* и кабардино-черкесским как *жэгундэр*, однако конечный сегмент *-р* в кабардино-черкесском в дальнейшем был воспринят как падежный формант, в результате чего было получено слово *жэгундэ* «свёкла». Этимологизируя каб.-черк. *жэгундэ*, А.К. Шагиров не затрагивает процесса усложнения, вследствие чего этимология этого слова предстала незавершённой [17: 192].

В адыгейском языке есть счетное слово для людей *нэбгырэ* (ср. каб.-черк. *нэрыбгэ*). У данного слова конечный гласный *э* усекается и возникает фонетический вариант *нэбгыр*. Например, говорят *зы нэбгыр* «один человек». В западных диалектах адыгейского языка эта лексема звучит как *нэбг*, так как ауслатный согласный *р* осмысливается как формант

именительного падежа, а в связи с переносом ударения на предыдущий слог конечный *ы* усекается.

Аналогичный процесс усложнения претерпело в адыгейском языке слово *сепаратор*, заимствованное через русский язык устным путём. Изначально слово звучало как *синэратыр*, в котором *-р* был отождествлен с формантом именительного падежа *-р*, затем безударный гласный *ы* отпал, а перед губно-губным *п* развился билабиальный *м*. В результате такой фонетической операции слово стало произноситься как *симпэрат*.

Проблема усложнения ещё не ставилась в абхазском и абазинском языкознании. По нашим наблюдениям, в этих языках усложнению подвергаются слова иноязычного происхождения. Так, в абхазском языке отсутствует исконное название калины, поскольку на территории Абхазии калина не растёт, а в близкородственном абазинском языке функционирует лексема *зары*, которая, как мы полагаем, восходит к шапсугскому *зэргь* или староадыгскому *зэрыгьэ* «калина». Вероятно, ауслатный сегмент *гьэ* в абазинском языке был воспринят как суффикс *-га*, при помощи которого образуются существительные, обозначающие орудие, инструмент (ср. *класа-га* «сеялка», *хы-га* «косилка» и др.), и был отброшен. Аналогичное осмысление получили некоторые слова на *-ка*, заимствованные абхазским языком из русского. Мы считаем, что на первом этапе у слов *а-картошка*, *а-цицарка* «цесарка», *а-капеика*, *а-берданка*, *а-шькатурка* // *а-чкатурка* «штукатурка» произошло усеменение конечного *а*, в результате чего были получены *а-картошк*, *а-цицарк*, *а-капеик*, *а-берданк*, *а-шькатурк* // *а-чкатурк*. «В таком фонетическом облике этих слов конечный *-к* был осмыслен как суффикс неопределённой формы или единичности, который увязывается с основой числительного *акы* «один» [13: 610]. На абхазской почве в процессе усложнения сегмент,

воспринятый как суффикс, отбрасывается, и слова стали звучать как *а-картош* «картофель, картошка», *а-цицар* «цесарка», *а-капеи* «копейка», *а-бердан* «берданка», *а-шькатур* // *а-чкатур* «штукатурка». Однако не во всех случаях этот *к* отпадает, поэтому в абхазском языке есть и такие заимствования: *а-балалаика*, *а-уатка* «водка», *а-брошка*, *а-кружка*, *а-панка*, *а-таблетка*, *а-гвоздика* и др.

К изменениям в словообразовательной структуре и внутренней форме слова относят и декорреляцию, под которой «понимается изменение характера или значения морфем и соотношений их в слове при сохранении последним того же числа и порядка морфем, которое в нем наблюдалось первоначально» [4: 221].

Так, в адыгейской лексикографической практике слова типа *еджакло* «учёба» (ср. *еджакло кIуагъэ* «поехал на учёбу») и *еджакло* «учащийся» даются чаще всего как одно слово либо с одним значением «учащийся», либо как многозначное слово со значениями «учёба» и «учащийся». Это связано с теоретической неразработанностью некоторых проблем словообразования. По нашему мнению, лексема *еджакло* «учёба» образована путем соединения основ двух глаголов *еджэ-н* «учиться» и *кло-н* «идти», а слово *еджакло* «учащийся» состоит из основы глагола *еджэ-н* «учиться» и суффиксоида *-кло*, образующего слова со значением профессии или рода деятельности. Ср. словообразовательный ряд *тха-кло* «писатель», *пхъа-кло* «сеятель», *лэжьа-кло* «трудолюбивый» и др. Из-за смешения основы глагола *кло-н* и суффиксоида *-кло* происходит декорреляция, вследствие чего усматриваются все образования данного типа как одно и то же многозначное слово, что в корне неверно.

В абхазо-адыгских языках имеет место такое изменение в морфемной структуре слова, как замещение, представляющее собой «результат замены одной морфемы другой, причем именно замены,

а не переосмысления (как это наблюдается при декорреляции)» [4: 244]. Этот процесс на материале адыгских языков нами рассматривается при этимологизации лексемы *шхынцумпэ* «инжир». Адыгейское название инжира *шхынцумпэ* на синхронном уровне делится на *шхын(ы)* «еда, пища» и *цумпэ* «ягода». В таком случае лексема *шхынцумпэ* является сложным словом, которое буквально означает «еда – ягода», т.е. ‘съедобная ягода’. Однако съедобных ягод множество, и поэтому данное толкование следует отвергнуть как ложное. Надо отметить, что жители древнегреческих колоний привозили сушеный инжир и оливковое масло на Кавказ. Вместе с фруктом черкесы усвоили и его наименование – ионийско-аттическое *сѣков* «смоква», «винная ягода», «фига» ... Так как внутренняя форма слова была неясна, в адыгейском языке, как это нередко бывает, к слову *сѣков* присоединился компонент-модификатор *цумпэ* «земляника», «ягода», в результате образовалось слово **сюконцумпэ*. Это слово можно объяснить как ‘инжир-ягода’ (ср. русск. *малина-ягода*, *земляника-ягода*). На народноэтимологической почве происходит контаминация: наложение на немотивированный компонент *сюкон* созвучного адыгейского слова *шхын / шкын*.

Особо следует сказать о таком изменении структуры сложного слова, которое состоит в перестановке компонентов, что затемняет внутреннюю форму слова. Так, понятия «хлопок» и «вата» выражаются в адыгских языках двумя вариантами: *бзыуцыф* и *бжъэхуц*. «Представляется возможным признать исходным порядок морфем в каб.-черк. *бжъэхуц* «хлопок», «вата», а в адыгейском *бзыуцыф* «то же» - усмотреть перестановку морфем. Лексема состоит из трёх компонентов: *бзыуы* «птица», *цы* «пух», «перо» и *хуы / фы* «белый». Была образована путем сложения двух компонентов: **бзыуыху / *бзыуыф* «лебедь» и *цы* «пух», «перо», это слово буквально означало ‘лебяжий пух’ [12:

4]. Другое объяснение как сложение *бзыуц* «пух, перо птицы» и *хуы / фы* «белый», исходя из адыгейского звучания *бзыуцыф*, следует считать неубедительным. Утрата внутренней формы слова может привести к такому положению, что невозможно разделить слово на морфемы. Так, в адыгских языках слово *хьадэгъэщын(э)* «ромашка» трудно поддается членению на морфемы. Во-первых, можно делить так: *хьадэ* «покойник» и *гъэщынэ* «пугающий». Возможно, что совершался обряд изгнания духов или прощение грехов. Во-вторых, возможен и такой вариант: *хьадагъэ* «похороны» и *щынэ* «оставляемый», ср. *къыщынэ-н* «оставить», букв. ‘на похоронах оставляемый’, т.е. ‘цветы, приносимые на похороны’. Кабардино-черкесское наименование ромашки *шынэ-шынэ* как бы представляет собой редуцированную основу, сопоставимую со словом *шынэ-н* «пугаться, бояться». Однако оно, как и адыгейское *хьадэгъэщын*, в любом случае «темное» слово, этимологизация которого ещё предстоит.

Поэтому в зависимости от различного подхода к морфемной и словообразовательной структуре одного и того же слова возможно множество предполагаемых толкований внутренней формы слова и подбор ряда мотивационных признаков, а также словообразовательных моделей.

Во всех языках в процессе исторического развития в структуре слов происходят морфонологические изменения, но в различных языках они протекают в разной степени. Если во флективных языках широко представлены флексия основ и фузия, что приводит к активному преобразованию в строении слова, то в агглютинативных языках многоморфемность и однозначность аффиксальных морфем, имеющих стандартный характер, в какой-то мере препятствуют появлению изменений в морфонологической структуре слов и придерживают или замедляют этот процесс. Однако сами изменения имеют универсальный характер, их не могут избе-

жать и агглютинативные языки, хотя они не имеют такого широкого распространения, как во флективных языках. Следовательно, всевозможные изменения, происходящие в морфонологической структуре слов таких агглютинативных языков, как абхазо-адыгские языки, требуют своего изучения и теоретического осмысления. Без учёта этих изменений трудно определить внутреннюю форму слова, описать словообразование слов и дать научную этимологию многих лексических единиц.

Примечания:

1. Рамишвили Г.В. Гумбольдт фон Вильгельм – основоположник теоретического языкознания: предисловие // Гумбольдт фон Вильгельм. Избранные труды по общему языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. С. 5-33.
2. Гумбольдт фон Вильгельм. Избранные труды по общему языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
3. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
4. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во МГУ, 1968. 311 с.
5. Кузнецов П.С. Морфологическая классификация языков. М.: Изд-во МГУ, 1954. 35 с.
6. Гируцкий А.А. Введение в языкознание. Минск: Тетра-Системс, 2001. 288 с.
7. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1997. 272 с.
8. Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2000. 232 с.
9. Лопатинский Л.Г. Суффиксы русского языка. Влияние кавказских языков на их образование // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1902. Вып. XXXI, отд. 4. С. 37-51.
10. Абрегов А.Н. Структурно-мотивационная интерпретация ряда лексем адыгских языков: этимологические этюды // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 138-141.
11. Житенева Л.И. Словообразование и состав слова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 30 с.
12. Абрегов А.Н. Морфонологические изменения в морфемной структуре слов и этимологический анализ некоторых названий растений в адыгских языках // Вопросы фонологии и морфологии: тез. докл. Одиннадцатой регион. науч. сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков, 25-27 июня 1986 г. Нальчик, 1986. С. 3-4.
13. Абрегов А.Н. К проблеме усложнения основы в абхазо-адыгских языках // Первые международные Инал-Иповские чтения, Сухум, 9-12 октября 2007 г. Сухум: Дом печати, 2011. С. 608-610.
14. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
15. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). М.: Наука, 1974. 324 с.
16. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. 311 с.
17. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I (А-Н). М.: Наука, 1977. 292 с.

References:

1. Ramishvily G.V. Wilgelm von Humboldt – a Founder of Theoretical Linguistics: foreword // Humboldt von Wilgelm. Selected works on General Linguistics. 2nd ed. М.:

- Progress. 2000. P. 5-33.
2. Humboldt Wilhelm von. Selected Works on General Linguistics. 2nd ed. M.: Progress. 2000. 400 pp.
 3. Potebnya A.A. Thought and Language. M.: Labyrinth. 1999. 300 pp.
 4. Shansky N.M. Essays on Russian Word-building. M.: Publishing house of MSU. 1968. 311 pp.
 5. Kuznetsov P.S. Morphological Classification of Languages. M.: Publishing house of MSU. 1954. 35 pp.
 6. Girutsky A.A. Introduction to Linguistics. Minsk: Tetra-Systems. 2001. 288 pp.
 7. Maslov Yu.S. Introduction to Linguistics. 3rd ed., corrected. M.: Vyssh. Shk. 1997. 272 pp.
 8. Kamchatnov A.M., Nikolina N.A. Introduction to Linguistics. 2nd ed. M.: Finta: Nauka. 2000. 232 pp.
 9. Lopatinsky L.G. Suffixes of the Russian Language. Influence of Caucasian languages on their formation // Collection of materials for description of localities and tribes of the Caucasus (SMOMPK). Iss. XXXI, section 4. Tiflis, 1902. P. 37-51.
 10. Abregov A.N. Structural and Motivational Interpretation of a number of lexemes in Adyghe Languages: Etymological Studies // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2012. Iss. 2 (128). P.138-141.
 11. Zhiteneva L.I. Word-building and word structure. L.: Publishing House of LSU. 1973. 30 pp.
 12. Abregov A.N. Morphological changes in the morphemic structure of the word and etymological analysis of some names of plants in Adyghe languages // Problems of Phonology and Morphology: Synopses of the Reports of the Eleventh Regional Scient. Session on the Investigation of the System and History of Iberian-Caucasian languages, June 25-27, 1986. Nalchik, 1986. P. 3-4.
 13. Abregov A.N. On the problem of complication of stems in Abkhaz-Adyghe languages // First International Inal-Ipov Readings. Sukhum. October 9-12, 2007. Sukhum: Dom pechati, 2011. P. 608-610.
 14. Zemskaya E.A. Modern Russian Language. Word-building. M.: Prosveshchenie. 1973. 304 pp.
 15. Kubryakova E.S. Basics of Morphological Analysis (based on Germanic languages). M.: Nauka. 1974. 324 pp.
 16. Shansky N.M. Essays on Russian Word-building and Lexicology. M.: 1959. 311 pp.
 17. Shagirov A.K. Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) Languages. M.: 1977. Nauka, Vol. 1 (A-N). 292 pp.